

Гомер
«Илиада»

В ризе багряно-золотистой из волн Океана денница
Вышла, несущая свет и бессмертным и смертным: Фетида
К сеням пришла мирмидонским с блистательным даром от бога.
Там она сына нашла: над Патроком своим распростертый,
Громко рыдал он; и многие окрест друзья мирмидонцы
Плакали. Став между них, серебряная мать-богиня
За руку сына взяла, называла и так говорила:
«Сын мой! оставим мертвого, как ни прискорбно то сердцу,
С миром лежать: всемогущих богов он волей повержен.
Встань и прими, Пелейон, от Гефеста доспех великолепный,
Дивный, какой никогда не сиял вокруг рамен человека».
Так произнесши, Фетида на землю доспех положила
Пред Ахиллесом; и весь зазвучал он, украшенный дивно.
Вздрыгнули все мирмидонцы; не мог ни один на доспехи
Прямо смотреть, отвратились они; Ахиллес же могучий
Только взглянул — и сильнейшим наполнился гневом: ужасно
Очи его из-под веждей, как огненный пыл, засверкали.
С радостью взяв, любовался он даром сияющим бога;
И, когда свое сердце нарадовал, смóтря на чудо,
К матери серебряной крылатую речь устремил он:
«Мать! доспех сей бессмертного дар; несомненно должен
Быть он творением бога, не смертного мужа он дело.
Ныне ж я вооружаюсь. Но об одном беспокоюсь
Сердце мое, чтобы тою порою в Патроковом теле
Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
Алчных червей не родили; они исказят его образ
(Жизнь от него отлетела!), и тление тело обымет!»
Вновь говорила ему серебряная мать Фетида:
«Сын мой! заботой о сем не тревожь ты более сердца.
Я попекусь отгонять от него кровожадные сонмы
Мух, которые тело убитых мужей пожирают;
И хотя бы лежал он в течение круглого года,
Тело его невредимо и даже прекраснее будет.
Ты же, мой сын, на собранье созвавши героев ахейских,
Гнев прекрати на Атрея сына, владыку народов;
Быстро на бой ополчись и могучеством вновь облекися».
Так говорила — и дух дерзновеннейший сыну вдохнула.
Другу ж его и амброзию в ноздри, и нектар багряный
Тихо влияла, да тело его невредимо пребудет.
Быстро по берегу моря пошел Ахиллес быстроногий,
Голосом страшным крича; и всех взволновал он ахеян.
Мужи, которые прежде всегда при судах оставались,
Все корабельщики, кои судов управляли кормилом,
Даже зажитники ратных дружин, раздаватели хлеба, —

Все поспешили в собрание, когда Ахиллес благородный
Вновь показался, столь долго чуждавшийся брани кровавой.
Двое хромячи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидид Диомед, воеватель могучий,
Шли, опираясь на копья, неся еще тяжкие раны.
Оба, пришедши, они на местах передних воссели;
Вслед их притек и Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Раной недужный: зане и его среди бурного боя
Ранил Коон Антенорид огромною пикою медной.

«Одиссея»

Песнь 19

"Свет мой, дитя мое милое! Где ты? За что же Кронион
Так на него, столь покорного воле богов, негодует?
Кто ж из людей перед громоигрателем Зевсом такие
Тучные бедра быков сожигал и ему гекатомбы
Так приносил изобильно, моля, чтоб он светлую старость
Дал ему дома провесть, расцветающим радуясь сыном?
Были напрасны молитвы; навеки утратил возврат он.
Горе! Быть может, теперь, никому не родной, на чужбине,
Где-нибудь, впущенный в дом богача, он от глупых служанок
Встречен такой же там бранью, какой был от этих собак ты,
Странник, обижен; зато и не хочешь им, дерзким, позволить
Ноги омыть у тебя. То, однако, порядком исполнить
Мне повелела моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сделаю все, и не волю одну госпожи исполняя.
Нет! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце
Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
Не был так голосом, ростом, ногами, как ты, с Одиссеем
Сходен". Сказала. Ей так отвечал Одиссей хитроумный:
"Правда, старушка, и сам от людей я, которым обоих
Нас повстречать удавалось, слышал, что во многом друг с другом
Мы удивительно сходны, как то мне и ты говоришь здесь".
Так отвечал он. Сияющий таз, для мытья ей служивший
Ног, принесла Еврикля; и, свежей водою две трети
Таза наполнив, ее долила кипятком. Одиссей же
Сел к очагу; но лицом обернулся он к тени, понеже
Думал, что, за ногу взявши его, Еврикля знакомый
Может увидеть рубец, и тогда вся откроется разом
Тайна. Но только она подошла к господину, рубец ей
Бросился прямо в глаза. Разъяренного вепря клыком он
Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнасе
Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),
Славного хитрым притворством и клятв нарушением, — Эрмий
Тем дарованьем его наградил, поелику он много
Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.
Автоликон, посетив плодоносную землю Итаки,
Новорожденного сына у дочери милой нашел там.
Выждав, когда он окончит свой ужин, ему на колена
Внука пришла положить Еврикля. Она тут сказала:

"Автоликон, богоданному внуку ты выдумать должен
Имя, какое угодно тебе самому: ты усердно
Зевса о внуке молил". То приняв предложение, сказал он
Зятю и дочери: "Вашему сыну готово уж имя;
Вас посетить собираясь, я рассержен несказанно
Многими был из людей, населяющих тучную землю;
Пусть назовется мой внук Одиссеем; то значит: сердитый.
Если ж когда он, достигнувши мужеских лет, пожелает
Дедовский дом посетить на Парнасе, где наша обитель,
Будет он мной угощен и с богатым отпущен подарком".
Внук возмужал и пришел за подарком обещанным к деду.
Автоликон с сыновьями своими его благосклонно
Встретил руки пожиманьем и сладко-ласкательным словом;
Бабка ж его Амфитея в слезах у него целовала
Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
Пир приказал сыновьям многославным своим приготовить
Автоликон. И они, исполняя родителя волю,
Тотчас пригнать повелели быка пятилетнего с поля;
Голову снявши с быка и его распластавши, на части
Мясо они разрубили и части, взоткнув их на вертел,
Начали жарить; изжарив же, их разнесли по порядку.
Сидя они за обедом весь день до вечернего мрака,
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и ночь наступила; о ложе
Каждый подумал, и сна благодать ниспослали им боги.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,
Скликали быстрых собак. Сын Лаэртов отправился с ними.
Долго они по крутому, покрытому лесом, Парнасу
Шли; напоследок достигли глубоких, ветристых ущелий;
Гелиос только что начал поля озарять, подымаясь
Тихо с глубоких, лиющихся медленно вод Океана;
В дикую дебрь углубились охотники все; перед ними,
След открывая, бежали собаки; с собаками вместе
Автоликоновы дети и сын многославный Лаэртов
Быстро бежали, имея в руках длиннотенные копья.
Страшно-огромный кабан там скрывался, в кустах закопавшись
Диких: в тенистую глубь их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий,
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода — так густо
Были они сплетены; и скопилось там много опавших
Листьев. Когда же приблизился шум от собак и от ловчих,
Быстро бежавших, кабан им навстречу из дикого лога
Прянул; щетину встопорщив, ужасно сверкая глазами,
Он заступил им дорогу; и первый, к нему подбежавший,
Был Одиссей. Он копье длинноострое поднял, готовый
Зверя пронзить; но успел Одиссею поранить колено
Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрывуши бешено сбоку, но кость уцелела.
В правое зверю плечо боевое копье сын Лаэртов
Сильно всадил; и, плечо проколов, острием на другой бок
Вышло копье; повалился кабан, и душа отлетела.

Автоликоновы дети убитого зверя велели
Должным порядком убрать и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили. И все напоследок к отцу возвратились.
Автоликон и его сыновья Одиссея, от раны
Дав исцелиться ему и его одаривши богато,
Сердцем веселого, сами веселые, с миром послали
В землю Итаки; отец и разумная мать несказанно
Были его возвращению рады; они расспросили
Сына подробно о ране, и он рассказал по порядку,
Как, на Парнасе ловитвой зверей веселясь с сыновьями
Автоликона, он вепрем клычистым был ранен в колено.
Эту-то рану узнала старушка, ощупав руками
Ногу; отдернула руки она в изумленье; упала
В таз, опустившись, нога; от удара ее зазвенела
Медь, покачнулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.
Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:
"Ты Одиссей! Ты мое золотое дитя! И тебя я
Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!"

В. Гандельсман
Александр Старший

Выходит Александр-копьеметатель,
самоуверен, мускулист,
голубоглаз, он весь артист
замаха и прекрасных дам ласкатель.

Заворожён наклонный профиль далью,
рука откинута, разбег,
ног перебор, копья навек
лёт быстроблещущей горизонталью.

И смотрит златокудрая: вальяжный,
идёт, закончив бранный труд,
а наконечник входит в грунт
плотномягчайший, травянистовлажный.

А. Кушнер
СОН

В палатке я лежал военной,
До слуха долетал троянской битвы шум,
Но моря милый гул и шорох белопенный
Весь день внушали мне: напрасно ты угрюм.

Поблизости росли лиловые цветочки,
Которым я не знал названья; меж камней
То ящериц узорные цепочки
Сверкали, то жучок мерцал, как скарабей.

И мать являлась мне, как облачко из моря,
Садилась близ меня, стараясь притушить
Прохладною рукой тоску во мне и горе.
Жемчужная на ней дымилась нить.

Напрасен звон мечей: я больше не воюю.
Меня не убедить ни другу, ни льстецу:
Я в сторону смотрю другую,
И пасмурная тень гуляет по лицу.

Триеры грубый киль в песок прибрежный вдавлен —
Я б с радостью отплыл на этом корабле!
Еще подумал я, что счастлив, что оставлен,
Что жить так больно на земле.

Не помню, как заснул и сколько спал — мгновенье
Иль век? — когда сорвал с постели телефон,
А в трубке треск, и скрип, и шорох, и шипенье,
И чей-то крик: «Патрокл сражен!»

Когда сражен? Зачем? Нет жизни без Патрокла!
Прости, сейчас проснусь. еще раз повтори.
И накренился мир, и вдруг щека намокла,
И что-то рухнуло внутри.

М. Кукин

* * *

Муза, приди, помоги, дай поведать далеким потомкам,
Как меня Дима Шумилов яичницу делать учил.
Лук для начала берем, не крупный, не мелкий, но средний,
И обдираем с него дочиста всю шелуху.
Лук измельчив на дощечке, потом зачерствелого хлеба
Черного взявши кусок пальцами левой руки
(В правой по-прежнему нож!), на той же дощечке для резки
Режем на кубики хлеб. После петрушки пучок,
И базилик, и кинзу под краном промыв, отряхнувши,
Режем все вместе опять же, но, не мешая с другим,
Горкой зеленой лежать оставляем, к примеру, на блюде.
Первое дело готово. Можно уже закурить.
Курим... За дымом табачным следя невнимательным взглядом,
Многое вспомнишь, о многом задуматься сможешь теперь.
Впрочем, труды-то стоят! Загасив сигарету, за дело
Снова пора приниматься: кружку большую найди,
Выбей туда два яйца... или три... все зависит от кружки
И от размера яиц. В кружку плеснув воды,
Вилкой взбиваешь... И это готово. Теперь сковородку
Выбери и, если надо, вымой ее. Наконец,
Спички... Со спичками туго. Как правило, кончились спички.
Можно сходить в магазин. Или к соседям зайти.
Но, проявляя сноровку, попробуй зажечь зажигалкой:
Чиркни – и руку отдерни сразу, а то опалишь.
Если ты с третьим этапом справился, ставь сковородку,
Масла налей, не жалея, кубики хлеба и лук
На сковородку сыпай, и следи, и, когда ты заметишь,
Что золотистым почти сделался лук, помешай.
Яйца пора выливать! Выливай их из кружки по кругу.
Сразу потом посоли, зеленью сверху посыпь,
Крышкой накрой и, огонь убавив, закуривай снова.
Утро сияет какое! Светом заполнена вся
Кухня. Немытые стекла – и те не мешают. Посуда
Радостно, ярко блестит. Чайник собрался кипеть
И запекает свою песенку. И холодильник
Тоже довольно урчит. Стоп! В холодильнике есть
«Клинского» пива бутылка, холодная – самое время!
«Реанимация едет», как Обрывалин шутил.
Выключи газ и крышку сними – что ты видишь?
Красиво и вкусно!
В толстый стеклянный стакан янтарного пива налей.
Небо, вставай за окном куполом синим бездонным!
День, распахнись, принимай! К встрече с тобою готов
Тот, кто соделал все так, все в точности, как научает
Эта поэма... Читатель! Время стрелою летит!
«Щиплет нас за ухо смерть», – заметил однажды Вергилий.
Но и на смерть есть управа. В частности, этот рецепт.